

Средство как смысл: рациональность и действие в критической теории технологии¹

ЭНДРЮ ФИНБЕРГ² (КАНАДА)

В критической теории технологии исследования технологии основываются на теории рациональности. В данной статье эта связь обсуждается в контексте влияния Франкфуртской школы на то, что я называю парадоксом рациональности. Дело в том, что обещания Просвещения не сбылись, так как достижения в науке и технике приводили к все более и более катастрофическим последствиям. Задача критической теории – понять этот парадокс без запоздалых романтических и антимодернистских оговорок как вклад в прогрессивное мировоззрение.

Ключевые слова: технология, рациональность, Франкфуртская школа.

¹ Andrew Feenberg. The Mediation is the Message: Rationality and Agency in the Critical Theory of Technology.

² Профессор философии технологии Школы коммуникаций Университета Саймона Фрезера (Канада). Родился в 1943 г. в США. В 1973 г. получил степень доктора философии в Университете Сан-Диего, где преподавал до 2003 г. С 2003 г. по настоящее время работает в Университете Саймона Фрезера. Ученик Г. Маркузе, критически развивает идеи Франкфуртской школы. Разрабатывает концепцию демократического изменения технологии, соединяя философскую критику технологии с эмпирическими исследованиями социологии науки и технологии. Автор семи книг, среди них: «Критическая теория технологии» (Oxford University Press, 1991); «Альтернативная современность: технический поворот в философии и социальной теории» (University of California Press, 1995); «Между разумом и опытом: эссе о технологии и современности» (MIT Press, 2010).

1. Рациональность в критической теории технологии

В 1888 г. Э. Беллами опубликовал книгу «Взгляд назад», самый известный утопический роман XIX в. Герой Беллами просыпается после более чем векового сна уже в социалистическом обществе XX в. Ему объясняют, что все институты этого общества рациональны, т.е. справедливы и вместе с тем эффективны. Отнюдь не регламентированное социалистическое общество Беллами населено развитыми, морально ответственными личностями.

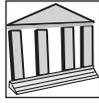
В 1932 г. Олдос Хаксли опубликовал самый известный антиутопический роман XX в. «О дивный новый мир». Герои Хаксли – гонимые нонконформисты в абсолютно рациональном обществе, на сей раз в обществе тотального администрирования. Антиутопия Хаксли жертвует справедливостью и индивидуальностью ради стабильности и контроля.

Что привело к трансформации оптимизма, свойственного XIX в., в пессимизм XX в.? Почему XIX в. ожидал утопию, а XX в. – антиутопию? Как изменилось понимание рациональности в эти два века?

Основа утопического общества Беллами – индустриальная армия, все работники которой получают одинаковую плату. Они освобождены от наиболее сложной и опасной работы благодаря машинам. Тем, кто выполняет самые ответственные задачи, положена укороченная рабочая неделя: это позволяет без финансовых стимулов или принуждения привлекать тех работников, которые ценят дополнительное свободное время. Индустриальной армией руководят специалисты высоких моральных качеств.

Армейская организация не распространяется на личную жизнь и политику, равно как на искусство, литературу, науку, изобретательство, журналистику и религию. Все эти виды деятельности осуществляются свободно, без экспертного контроля, поскольку не имеют четких организационных принципов и, следовательно, контролировать их бесполезно. Таким образом, утопия Беллами – биполярное общество, сочетающее коллективизм и индивидуализм в идеальных пропорциях. Но как раз этого и *не* произошло в XX в., когда действительно появились технические средства, позволявшие достичь утопических целей.

Антиутопия Хаксли – тоже рациональное общество, экстраполированное из манипуляции массами, которую принес-

ли новые СМИ и сборочные конвейеры Форда. Его антиутопия примиряет индивида и общество за счет упразднения индивидуальности. Правители этого общества утверждают, что все беды проистекают из отсутствия соответствия между человеческими способностями и разделением труда. Поэтому людей нужно переделать умственно и физически таким образом, чтобы они соответствовали задачам, которые обязаны выполнять. В этой схеме люди становятся техническими объектами, а их генетическое наследие – лишь сырьем для формирования лучше адаптированных особей. Альтернатива, которую предлагает роман, или скорее дилемма, которую он формулирует, – это выбор между тотальной технологичностью и индивидуалистическим хаосом, выбор между рабством и стабильностью, с одной стороны, и свободой, ведущей к катастрофе, – с другой.

Оба романа посвящены радикальным последствиям рационализации общества посредством технологии. Их сравнение приводит к вопросу о значении рациональности. Наш здравый смысл связывает рациональное с наукой и эффективностью. Оно универсально, необходимо и морально нейтрально. Но у Беллами технический и моральный прогресс представляют собой единое целое, тогда как у Хаксли технология неразрывно связана с господством. И ни в том, ни в другом случае рациональность не является нейтральной средой, в которой свободные желания и культурные импульсы открыто осуществляются и выражаются. Напротив, рациональность и есть желание и культура в живых социальных формах.

Вопрос, на который не находится ответа в романах, таков: как рациональность сочетается с ценностями? Оба романа постулируют неразрывную связь технического прогресса с некоторой ценностью: в одном случае – со свободой, в другом – с господством. Это оставляет мало места для человеческой активности в технической сфере. Однако возникает новый подход к проблеме – не утопический и не антиутопический. Он является реакцией на провалы рациональности, вызванные демократическим вмешательством рядовых людей с реальными последствиями для конструирования технологий и технических систем. Новое понимание рациональности необходимо для ответов на вопросы, вызванные новым подходом к технике. Отправной точкой при обращении к этим сложным вопросам для меня стала критика рациональности, предпринятая Франкфуртской школой.

Франкфуртская школа в лице Т. Адорно, М. Хоркхаймера и Г. Маркузе разработала неортодоксальную версию марксиз-

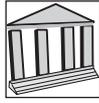

ма, которая разделяет с Хаксли скептическое отношение к прогрессу. Маркс рассчитывал, что распространение критической рациональности в конце концов сделает рабочий класс невосприимчивым к идеологиям, которые держат его в рабстве. Как и Беллами, он верил в освобождающий эффект процесса технологической рационализации под контролем рабочих. Потом марксисты упростили его позицию и пришли к выводу, что капитализм искажает чистую техническую рациональность, а ее возрождения нужно ждать от социализма. Они полагали, что социальный прогресс освободит технологию от пут на общее благо. Хотя философы Франкфуртской школы были марксистами, они считали, что классовое сознание не сформировалось в том виде, как ожидал Маркс, что возможность пролетарской революции упущена, что технология – рациональность в наиболее реальной своей форме – проблема, а не решение.

Франкфуртская школа полагала, что и капитализм, и коммунизм основываются на генерализации технических средств в той угнетающей форме, которую впервые придал им капитализм. Фабрика стала первым этапом рационализации как господства. Сегодня это повсеместное явление, характерное для медицины, развлечений, спорта, образования; оно накладывает отпечаток на повседневную жизнь и убеждения. Технология приносит власть. Включение всех и вся на планете в эту систему позволило распространить централизованное управление с уровня фабрики на общество в целом.

Существует несколько вариантов того, как реагировать на эту ситуацию. Традиционные марксисты, либералы и неолибералы по-прежнему полагают, что модернизация должна продолжаться, пока не выполнит своих обещаний. До сих пор переживаемые негативные последствия объявляются случайными издержками на пути прогресса. Марксисты возлагали большие надежды на перемены в бурные годы после Первой мировой войны. Но ко времени первого расцвета Франкфуртской школы в 1930-х гг. их ожидания померкли. Эти философы стали свидетелями зарождения жестоких расистских и националистских идеологий, распространяемых новыми СМИ. Они не отчаялись окончательно, но не видели никакого реального пути.

Франкфуртская школа критиковала прогрессистскую идею, согласно которой господство побеждается развитием рациональности или, иначе говоря, господство отступает по мере продвижения рациональности. Этот «проект Просвещения», как называет его Хабермас, обнаружил свою несостоятельность. Вместо него мы видим катастрофический перево-

рот идеалов Просвещения, которых Маркс еще надеялся достичь с помощью социальной революции. В ответ на эту ситуацию и в надежде сохранить положительное ядро критической теории модернизации, освободив ее от сомнительного наследия Просвещения и марксизма, Франкфуртская школа выдвинула «рациональную критику рациональности». Ее следует отличать от более привычной романтической критики, требование которой состоит в отказе от рациональности и всех ее достижений. В основе этих двух типов критики лежат разные политические мотивы, поэтому важно не смешивать их друг с другом.

Романтическая критика разума начинается в конце XVIII в. и сопровождается идеализацией прошлого. Эта критика представлена в массиве романтической литературы, которая выдвигает переживание в качестве альтернативы буржуазной расчетливости и социальному конформизму. Тема обобщается антигероем Бальзака Ветреном, который декламирует: «Я принадлежу к оппозиции под названием “жизнь”». Жизнь против механизма – вот в чем суть романтической критики. С точки зрения романтизма, рациональность не может служить надежным способом понимания жизни, но является ее специфической формой, преследующей сомнительные цели. Большинство формулировок такой критики заключает в себе отрицание современности как примера рациональной формы жизни.

Эта критика проверена XX в., веком крушения разума. Войны, концентрационные лагеря, ядерное оружие, а теперь и экологическая катастрофа подрывают проект Просвещения. Но трудно поверить в то, что этими бедствиями полностью исчерпывается значение и содержание рациональности. Конечно, разум не исчерпал своего потенциала, который может проявиться при критической рефлексии. Мы должны проводить различие между технической и критической рациональностью. В этом суть неромантической критики рациональности Франкфуртской школы.

Романтизм разочаровывается в Просвещении, а также отказывается от веры в разум. Философы Франкфуртской школы предлагают более сложный ответ – «диалектику Просвещения», которая признает катастрофу современности, но при этом разрабатывает иную модель рационального общества. Основная проблема, с их точки зрения, заключается в изменении разума в эпоху Нового времени, который стал уязвим для эксплуатации господствующей элитой.

Хоркхаймер утверждал, что разум укоренен в ценностях, в сохранении жизни, но в Новое время он редуцирован исклю-

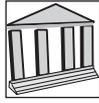

чительно к средствам, инструментам власти, которые различны к жизни. Хоркхаймер различал традиционный «объективный» и современный «субъективный» разум. Объективный разум содержит внутри себя ценности. Пример тому медицина. Она совмещает в себе рациональные методы, основанные на науке и опыте, и готовность лечить. До Нового времени такая практика была нормой социального функционирования разума. Но с возникновением всеохватывающей технической цивилизации разум становится «субъективным» в том смысле, что он апеллирует к воле, а не к тем или иным внутренним целям.

Маркузе считал, что субъективный разум реализован непосредственно в современной технике. Она обеспечивает высокий материальный уровень жизни, а также открывает доступ к культурному наследию человечества, которое прежде было доступно только богатым. Развитие технологии расширяет сферу самоуправления, подтверждая тем самым отмирание классов, которое предсказывал Маркс. Но в то же время технология создает инструменты, позволяющие неопределенно долго поддерживать капиталистическую систему благодаря «поставкам товара» и включению рабочего класса в общество потребления. «Технологическая рациональность», таким образом, разбивает мечту Просвещения. Это усиление веберовского тезиса рационализации, которая теперь достигает высшей точки не в железной клетке бюрократии, а в железной клетке технологии.

Критика Маркузе как будто похожа на романтическую критику рациональности, но на самом деле его позиция несколько иная. Тяжелые последствия рационализации проистекают не из рациональности как таковой, а скорее из тех ограничений, которые налагает на нее капитализм. В эпоху, предшествующую Новому времени, техническая практика культивировала *возможности* своих материалов. Следы этих представлений и сейчас еще иногда встречаются у тех, кто занят в сфере технических искусств, таких, как архитектура. Архитекторы, как правило, действуют не произвольно, а реализуют ценности, заложенные в самих объектах, например используют потенциал естественного места.

Ф.Л. Райт постарался гармонично вписать свои постройки в ландшафт, но если ту же самую инженерную технику, которую он использовал, лишить эстетического попечения, то она может быть поставлена на службу созданию чудовищ из стекла и стали, никак не связанных с природой. Формальная нейтральность современного разума, которая проистекает из ма-

тематического конструирования объектов, отменяет внутреннюю связь разума с возможностями и отдает его в распоряжение власти, готовой служить своим субъективным ценностям. Исходя из этого Маркузе выступал за социальную революцию внутри самого разума, т.е. за включение ценностей в его технологические приложения. Он надеялся, что это может быть достигнуто посредством слияния эстетической и технической рациональностей в обновленном объективном разуме.

Теории рационального господства, разработанные Франкфуртской школой, наводят на размышления, но они слишком абстрактны и не годятся для более поздней борьбы за технологии в таких областях, как окружающая среда и Интернет. Кроме того, эти теории противоречивы. Хокхаймер и Адорно утверждали, что инструментальный разум сущностно конституирован через подавление внутренней и внешней природы. Но Адорно при этом осуждал капитализм за искажение технологического развития и сетовал на подавление полезных технических альтернатив. Не легко примирить эти две позиции. Еще более очевидно противоречие у Маркузе. С одной стороны, он следует феноменологии, доказывая, что современная научно-техническая рациональность внутренне связана с господством. Основываясь на этом, он отстаивает новую науку и технологию, для которых природа будет выступать в качестве субъекта. С другой стороны, он отвергает любое возвращение к досовременной качественной науке о природе. Остается неясным, что именно влечет за собой его реформа науки и технологии. Эти неопределенности сделали критику рациональности Франкфуртской школы уязвимой для обвинений в романтизме и иррационализме.

Все же, несмотря на перечисленные проблемы, я считаю ключевые моменты критики рациональности Франкфуртской школы заслуживающими доверия. Это касается социальной предвзятости, выраженной в явно нейтральной технологии и сопровождающем ее парадоксе рациональности, а также в том факте, что прогресс технологии шел рука об руку с прогрессом господства.

Мы не найдем готовых подходов для обсуждения этого парадокса. Ясно, что существующие технологии способствуют господству, но нам следует прояснить двусмысленность критики рациональности Франкфуртской школы, показать ее релевантность для сегодняшней технологической политики, а также выявить различия между критической теорией и эссенциалистским осуждением технологии как таковой. Для того чтобы понять парадокс рациональности вне романтического

подтекста, нам необходима концепция *социального*, которая подходила бы для анализа *рациональных* систем. Франкфуртская школа это понимала, но не смогла развить категории и методы для такого анализа. Ключ к альтернативному подходу содержится в понимании того, что именно нейтральность технологии связывает ее судьбу с проектом господства.

Я сформулировал этот подход как теорию технологической предвзятости. Это потребовало отказа от обычного понятия предвзятости, отсылающего к предубеждениям и пристрастному отношению. Предвзятость в менее знакомом смысле проявляется в разных сферах. Например, многие предметы повседневного использования рассчитаны на праворуких из-за того, что праворукие люди преобладают. Такой перекося тоже можно назвать предвзятостью, но он не связан с предрассудками, а скорее встроен в дизайн самих вещей.

В соответствии с этой дистинкцией критическая теория технологии выявляет два типа предвзятости, которые я называю «действительной» и «формальной». Критика Просвещения адресована более знакомому виду действительной предвзятости. Философы XVIII в. столкнулись с институциями, которые требовали легитимности, апеллируя к прошлому и религии. Привилегии аристократии были обоснованы ее мифическим прошлым вроде участия в крестовых походах, власть королей – ее божественной сущностью. Рациональная критика подрывала мифологические нарративы религии, монархии и феодализма. Просвещение оценивало институции, базируясь на фактах и доказательствах, что оказалось фатальным для *ancien regime*. Много позднее аналогичная критика атаковала расизм и гендерные перекося, защищая рациональные этические принципы и научное знание.

Такого рода предвзятость я называю действительной, поскольку она основана на псевдофактах и эмоциях, на специфических смыслах, которые обуславливают дискриминацию, например когда женщины считаются менее умными, нежели мужчины. Действительная предвзятость внедряет оценки и предрассудки в сферы, которые должны регулироваться рациональностью и правосудием. Критика действительной предвзятости, следовательно, не содержит сомнений в самом разуме.

Но технология предвзята в отношении правящих и подчиненных в технологически опосредованных институциях. Эта предвзятость не включает в себя предрассудки. Предвзятая технология остается рациональной в том смысле, что она эффективно поддерживает связь причины и следствия. Не су-

ществует ни мифологических нарративов, ни псевдофактов, которые мешали бы ее функционированию, и она, конечно, не содержит эмоций. Тем не менее если разделение труда технологически построено таким образом, что заставляет подчиненных выполнять механические повторяющиеся задачи, лишая их возможности управлять более широким фронтом работ, значит их подчинение заложено технологически. Такую предвзятость я называю «формальной», поскольку она не нарушает формальных норм создания и работы технологии, таких, как контроль и эффективность.

В этом отношении формальная предвзятость технологии похожа на перекосы рынка, которые стали отправной точкой для критики Марксом капитализма. Рынок возникает как рациональное предприятие, но равноправный обмен странным образом приводит к неравенству. Критика Просвещения не может ничего поделать с таким неравенством, потому что оно не пытается оправдать себя мифологическими нарративами. В ответ на эту ситуацию в середине XIX в. возникает критика двух типов. Французский анархист Прудон громко заявил, что «собственность является кражей», а не результатом равного обмена.

Маркс был более скрупулезным мыслителем. Он понял, что критикам рынка следует начинать все же с факта равного обмена, а не его отрицания. Источник неравенства следует искать именно в рациональности рынка. Анализ Маркса направлен на разницу между зарплатой работника, которая приблизительно равна стоимости его рабочей силы, и тем, что он способен произвести в течение рабочего дня, продолжительность которого устанавливается капиталистом. Проблема системы состоит не столько в ее несправедливости, сколько в капиталистическом управлении экономикой, последствиями которого являются деградация работы и экономические кризисы. Тем самым Маркс показал, что рациональные системы могут быть предвзяты, а также распространил эту критику на технологию.

Методологическая значимость анализа Маркса заключается не только в осуждении эксплуатации, но и в объединении явно противоположных понятий рациональности и предвзятости. Значительно позднее ту же работу проделали представители Франкфуртской школы в своей критике технологии. Суть критики заключалась не в том, чтобы обвинить технологию в болезнях общества или призвать к технологической рациональности как средству повышения эффективности капитализма, а в том, чтобы показать, что *сама структура* технологии была приспособле-

на к системе угнетения. Это представление о структурной предвзятости может быть разработано в дальнейшем.

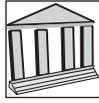
Существуют два хорошо знакомых способа, которые делают предвзятыми рациональные системы и артефакты. Согласно первому, они реализуются в определенных контекстах и эти контексты могут по-разному влиять на разных индивидов или социальные группы. Второй способ заключается в дизайне рациональных артефактов, как в случае «праворуких» инструментов и рынка в теории Маркса. Дизайн зависит от многих участников, которые разрабатывают рациональные решения той или иной проблемы, но руководствуются при этом не только разумом самим по себе. Таким образом, артефакты и системы отражают специфические интересы тех или иных разработчиков. Это не делает технологии иррациональными, напротив, это их способ быть рациональными. Я использую понятия «перевод» и «design code» для анализа данного парадокса.

Технологии построены в соответствии с design code, который переводит социальные запросы в технические спецификации. Поэтому прогресс определяется относительно design codes, а не в абсолютных терминах. Современные общества имеют опыт специфически капиталистических форм прогресса, которые определяются предвзятостью господствующего класса.

На пути прогресса отвергались и забывались неудачные альтернативы, прикрытые своего рода беспамятством, в результате чего создавалось впечатление, будто выбранный путь был неизбежен и необходим с самого начала. Так возникали иллюзии чистой рациональности и универсального прогресса. Эти иллюзии затрудняют прогнозирование, поскольку принимают уже существующую технологию и рационализированные социальные порядки за необходимые без должного обоснования. Критическая теория демистифицирует иллюзии, чтобы освоить будущее. Она не предлагает ни утопий, ни антиутопий. Она помещает рациональность в политику, где ее последствия вызывают к человеческой ответственности.

2. Система и «жизненный мир» в теории инструментализации

В этом разделе я представляю свой собственный подход, который я называю теорией инструментализации, в полемике с Ю. Хабермасом, наиболее заметным автором из тех, кто се-

годня представляет Франкфуртскую школу. Хабермас привнес теорию коммуникаций и теорию систем в критическую теорию и изменил направление последней от радикальной критики современности к реформе государства всеобщего благосостояния. Он не принял антимодернизма Адорно, Хоркхаймера и Маркузе. Их критика социального господства была основана на более фундаментальной критике господства в природе, но, как он утверждал, категория господства применима только к человеческим отношениям. Именно концепция господства в природе непоследовательна и подразумевает критику технологии как таковой, не сильно отличающуюся от той, что можно найти у Хайдеггера. Кроме того, эти философы никогда не объясняли стандартов критики, в соответствии с которыми строили свои доказательства, как и не предлагали конкретной программы реформирования современного общества. Согласно Хабермасу, в философии ранней Франкфуртской школы налицо зияющий нормативный дефицит.

В своем эссе «Технология и наука как идеология» (1968) Хабермас подхватывает аргумент Маркузе, а именно идею того, что проблема технологии заключается в ее универсализации – превращении в мировоззрение или идеологию, влияющую на каждый аспект жизни современного общества. Этот подход представляет собой критическую версию концепции технократии, согласно которой эксперты приняли на себя руководство общественной жизнью и лишили ее политики. Саморазрастающаяся технология заменила собой рассуждения и дискуссии. Хабермас находит в концепции Маркузе способ, позволяющий отделить критику технологии самой по себе, которую он не принимает, от критики легитимирующей функции технологии в технократической идеологии.

Хабермас разрабатывает свой вариант тезиса Маркузе в полемике с марксизмом. Он заменяет такие понятия Маркса, как «сила» и «производственные отношения» на понятия «целенаправленное рациональное действие» и «коммуникативное взаимодействие». Целенаправленное рациональное действие ориентировано на успех и контроль. Техническое отношение к природе рационально именно в этом смысле, т.е. более или менее эффективно и действенно. Оно отличается от коммуникативного взаимодействия, направленного на взаимопонимание, а не технический успех.

На основе этих различий Хабермас определяет две основные особенности всех обществ. С одной стороны, каждое общество обладает институциональным каркасом, состоя-

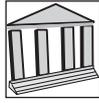

щим из системы значений, практик и ожиданий, заданных коммуникативным взаимодействием. С другой стороны, существуют технические подсистемы, которые содержат знания, практики, и артефакты, позволяющие обществу производить товары, необходимые для выживания. Баланс между техническими и коммуникативными величинами меняется, но до Нового времени ведущим всегда оставался институциональный каркас.

Хабермас выделяет две стадии в развитии современности, на каждой из которых различные технические подсистемы внедряются в институциональные рамки. На первой стадии развития буржуазного общества рынок проникает везде и вытесняет институциональные основы как определяющую инстанцию общественной жизни. До тех пор пока рынок интерпретируется как квазиприродное явление, он поддерживает буржуазную гегемонию. Легитимность господствующих интересов обосновывается посредством отождествления их с «законами» самого рынка. В XX в., когда правительства начинают регулировать рынки, эта легитимность постепенно исчезает. В послевоенное время технология вместо рынка начинает участвовать в организации общественной жизни. Институциональная структура все более подчиняется условиям экономического и технологического развития.

В этом раннем эссе Хабермас пытается установить одновременно критическое и позитивное отношение к современности. Он постулирует двойную рационализацию, техническую и коммуникативную, связывая прогресс свободы, личности и демократии именно со второй. В более поздних работах Хабермас разрабатывает улучшенный вариант своей теории. Он понимает, что индивидуальные действия и установки не создают общества. Подлинная проблема состоит в координации действующих субъектов. Хабермас выделяет два типа координации действий, которые относятся к сферам «жизненного мира» и «системы» соответственно. Теперь они заменяют «институциональный каркас» и «техническую подсистему» его ранних работ.

Концепция жизненного мира берет начало в феноменологии. Гуссерль использовал этот термин для обозначения области повседневных смыслов, лежащих в основе научных концептуализаций. У Хайдеггера жизненный мир становится системой смыслов, которые конституируются в практических отношениях с вещами. Эти смыслы доконцептуальны, поскольку предшествуют языковому оформлению. Хабермас

использует эту концепцию, подчеркивая интерсубъективный контекст, в котором смыслы создаются и воспринимаются.

Жизненный мир важен для воспроизводства индивидов, но он не способен управлять масштабными институтами современного общества. Для этих целей требуются более обезличенные, квазимеханические формы взаимодействия, такие, как системы экономического обмена и административные системы. Современное общество зависит от эффективности систем, которые разгружают жизненный мир от чрезмерно сложных задач.

Хабермас определяет технократию как «колонизацию жизненного мира» системой и выступает за увеличение социального контроля над системой через свободные договоренности, которые достигаются посредством коммуникативных актов. К сожалению, он полностью абстрагируется от технологии в этой версии своей теории.

Тезис о колонизации нелегко использовать, потому что в теории Хабермаса система и жизненный мир сосуществуют во всех социальных институтах и постоянно переплетаются. Как тогда одно может «колонизовать» другое? Хабермас уклоняется от ответа на этот вопрос, молчаливо отождествляя систему и жизненный мир с отдельными институтами, такими, как экономика и семья.

Формулировка Хабермаса элиминирует проблематику рационального господства, столь важную для ранней Франкфуртской школы. Согласно Хабермасу, система сама по себе лишена недостатков, проблема состоит лишь в ее масштабах. Такая точка зрения несет консервативные последствия.

Хабермас принимает нейтральность систем, потому что у него нет понятия формальной предвзятости и, следовательно, нет концептуального базиса для критики систем как таковых, критики, которая не превращалась бы в их романтическое отрицание. Оказавшись между тезисом о нейтральности и романтической критикой, он не в состоянии разработать адекватную критическую теорию современности.

Чтобы избежать этих проблем, необходимо строго придерживаться идеи о том, что перекрестное аналитическое различение системы и жизненного мира, проходящее сквозь все институты современного общества, указывает не на социальные сферы, а на пересечение перспектив. Исходя из этого я предлагаю то, что я называю двухсторонней теорией технологии и других рациональных институтов. Детали этой теории требуют тщательной проработки. Так как система и жизненный мир представляют собой не отдельные вещи, а

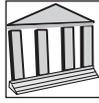

лишь различные аспекты одной и той же вещи, они не могут каузально взаимодействовать и нуждаются в особых концепциях для осмысления их отношения друг к другу. Концепция формальной предвзятости служит этой цели в применении к рациональным системам, объясняя, как функции системы относятся к смыслам жизненного мира.

Системы в целом могут рассматриваться в отрыве от более обширного жизненного мира, в который они встроены, т.е. как абстрагированное функциональное измерение жизненного мира. Например, продавец выполняет экономическую функцию, так же как технический механизм выполняет техническую функцию. Функциональное измерение личностей и вещей можно выделить, но невозможно оторвать от своего носителя. Продавец как функция не может восприниматься отдельно от личности продавца, так же как техническое устройство не может восприниматься вне социального мира, функцией которого оно является. Таким образом, функциональная логика, работающая в системе, аналитически отделяется от смыслов, которые циркулируют в жизненном мире.

Я называю этот подход «теорией инструментализации». В теории инструментализации каузальный аспект системы назван «первичной инструментализацией», а ее социальное измерение – «вторичной инструментализацией». Применительно к технологии это различие показывает отношение между двумя фундаментальными аспектами каждого функционального артефакта – его казуальной структурой и заключенными в нем смыслами жизненного мира. Первичная инструментализация – это работа нашего воображения по отношению к техническим возможностям природных объектов. Она «функционализирует» объект. Функционализация означает *деконтекстуализацию* элементов природы с целью изолировать их полезные качества. Деконтекстуализация сопровождается *редуцированием* объекта лишь к тем аспектам, которые позволяют включить его в техническое устройство. Каждая техническая идея содержит такие операции, посредством которых объекты природы входят в социальный мир благодаря своим практическим возможностям. Современная технология соединяет большое количество подобных возможностей в согласованные модели для достижения целей, превышающих любые частные потребности.

Логика таких соединений не только техническая. Она ограничена принципами казуальности: лишь то, что «работает», может быть построено. Однако обычно доступны многие работающие комбинации. Вторичная инструментализация оп-

ределяет, какие из них реализуются. На этом уровне выбранные возможности получают значение в социальном контексте. Редуцирование объекта, которое лишает его связей, на этой стадии компенсируется, поскольку техническая идея теперь опосредована этическими и эстетическими ценностями. Здесь речь идет о смысловом измерении технологии, поскольку артефакты помещаются в жизненный мир.

Технологическая конструкция сочетает оба уровня как единое целое, и оба они необходимы. Конструкция технического устройства всегда является социальным актом, включающим вторичную инструментализацию. Адаптация полученной модели зависит от лиц, наделенных властью. Некоторые возможные конструкции получают поддержку, в то время как другие исключаются с различными последствиями, полезными или вредными для различных социальных групп. Именно здесь формальная предвзятость технологии демонстрирует свое политическое значение.

Теория инструментализации предлагает каркас, внутри которого анализируются переплетения технологической системы и жизненного мира. Две инструментализации относятся к разным измерениям артефактов и их пользователей, но это просто аспекты, а не отдельные сферы, способные существовать независимо друг от друга (как в теории Хабермаса). Это важно. Тот факт, что современные общества способны абстрагировать функциональный уровень артефактов и конструировать абстрактные технические дисциплины, маскирует это важное социальное измерение. Абстрагирование, разумеется, имеет последствия – оно делает современную технологию возможной, но на самом деле не элиминирует социальное.

Социальный критицизм должен обратиться к конструкции и конфигурации технических систем. Теория инструментализации предлагает критический подход к технологии без технофобии. Она идентифицирует господство системы с вторичной инструментализацией, которая ограничивает сферу применимости технологий только теми задачами, которые важны в контексте жизненного мира.

3. Конструктивизм, критическая теория и коммуникация

Ответ Франкфуртской школы на провал современной веры в разум выразился в «диалектике Просвещения», которая

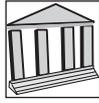

признавала, с одной стороны, катастрофу современности, а с другой – перспективу рационального общества, свободного от мифов и господства. Самым значительным применением этой диалектики был анализ развития массового общества. Франкфуртская школа использовала кантовский идеал просвещения, сформулированный во фразе «дерзай знать». У Маркса это идеал независимой индивидуальности, спроецированный на рабочий класс как наиболее сознательный. Но распыленные и обезличенные массы предали надежды Маркса. Это произошло из-за неожиданной эффективности пропаганды и рекламы, чего он не мог предвидеть.

В XX в. основой правящего класса явилась мобилизация всего населения посредством национализма, расизма и консюмеризма, которая стала возможной благодаря техническому опосредованию публичной сферы. Франкфуртская школа утверждала, что в основе новой системы лежит «культурная промышленность», которая переносит на культуру идею продукта потребления. Современные продукты культуры являются товаром и в корне отличаются от ранних культурных артефактов, даже тех, что продавались на рынках. Продажа предмета искусства не влияла на его внутреннюю структуру в той степени, как это происходит с современными товарообразными продуктами культуры. Эти продукты передают конформистскую идеологию посредством стереотипных характеров, сюжетов и образов. Возникает новый авторитаризм, в котором принятие фактов, утвержденных посредством власти и отраженных посредством СМИ, представляется единственным рациональным ответом «реальности». Это само по себе является рационализацией сознания. Но остается и противоположный идеал: демократическая дискуссия между свободными индивидами все еще является императивом критического разума.

Франкфуртская школа нуждается в новых интеллектуальных ресурсах, чтобы осмыслить тему технологии. Эти ресурсы могут быть найдены в конструктивистских исследованиях технологии. Социальный конструктивизм предлагает особый метод изучения технологии и подчеркивает роль разнообразных агентов в технологическом развитии. Не будучи политической теорией, социальный конструктивизм, тем не менее, подрывает технократическую идеологию и теорию модернизации.

Термин «социальный конструктивизм» относится к некоторым подходам в исследованиях науки и технологии, которые отрицают позитивистские и детерминистские теории, рассматривающие науку и технологию в качестве продуктов

сугубо рационального понимания природы. В своих исследованиях конструктивисты стараются придерживаться «принципа симметрии», который признает как когнитивные, так и социальные аспекты в любой научной и технологической деятельности. Конструктивисты выявили два фундаментальных методологических принципа: 1) роль *интерпретации* в технологической модели и 2) *совместную конструкцию* артефактов и социальных групп.

Конструктивистские исследования технологии пытаются идентифицировать «релевантных акторов», вовлеченных в процесс создания технологической модели. Эти акторы определяют ту или иную ситуацию как техническую проблему и ищут для нее техническое решение. Но определение проблемной ситуации не является абсолютным; оно зависит от интересов и целей акторов. Немного отличающийся взгляд на одну и ту же проблему может привести к разным техническим решениям. Это называется «интерпретативной гибкостью» артефактов. Как объясняют Т. Пинч и В. Бижкер, интерпретация артефактов влияет не только на их использование, но также на их конструкцию. В этом смысле технология является социально относительной.

Технология – это не просто собрание артефактов, но, как утверждал Латур, собрание индивидов и предметов, связанных вместе посредством различных типов ассоциаций.

Некоторые методологические ограничения социалконструктивистских исследований технологии определяются тем, что они происходят от исследований науки. В научных спорах участвуют акторы, которые в общем равны по степени власти, преданы своей профессии и более или менее искренни в своем стремлении к истине. Мир технологии совершенно иной. Большая часть технологий развивается организациями, а не индивидами, и диспропорция в степени власти, которой они обладают, часто слишком велика. К тому же организации менее надежны, чем отдельные ученые, и гораздо чаще осуществляют неприкрытую манипуляцию. Таким образом, конструктивистские представления должны быть дополнены другими методами для получения полной картины социального значения технологии.

Несмотря на ограничения, конструктивизм полезен для преодоления недостатков Франкфуртской школы. Теория культурной промышленности была сформулирована на специфическом этапе развития СМИ, преимущественно на заре радио и кино. Теории упадка публичной сферы и одномерного общества отражали эру телевидения, в которой телевидение создава-

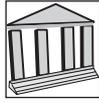
ло новую разновидность власти. Однако медиасистемы радикально изменились после возникновения Интернета, поэтому прежний анализ необходимо модифицировать. Методы конструктивистов в общем дают такую возможность благодаря более детализированной оценке отношений между техническими и социальными конструкциями, чем была представлена Франкфуртской школой.

Сегодня сосуществуют три конкурирующие и дополняющие друг друга модели Интернета. Информационная модель имеет в виду акторов, действующих в научном сообществе. Потребительская модель отвечает нуждам бизнеса. Коммуникационная модель, введенная непрофессиональными пользователями, трансформирует Интернет в инновационный социальный феномен.

Интернет обновляет дискуссии и дебаты в публичной сфере. Он имеет уникальный и до сих пор в основном нетронутый демократический потенциал, позволяющий скрытым сообществам выявить и сформулировать свои потребности. Возможно, наиболее важным признаком этого потенциала на сегодняшний день является защита Интернета его пользователями, поскольку он обеспечивает им право голоса.

Использование Интернета для нужд демократии затрагивает тему рациональности и господства. Франкфуртская школа требовала поместить рациональность в социальный контекст и рассматривала господствующую рациональность как выраженную в бюрократических и технологических системах развитого капитализма. Политическое пространство Интернета, а также активное участие людей (в качестве пользователей или жертв) в таких практиках, как движение по охране окружающей среды и медицина, свидетельствуют об ином типе рациональности, рациональности снизу. Концепция «поработанного разума» Фуко передает опыт тех слоев, чьи интересы не выражены господствующей рациональностью. Перспектива снизу позволяет преодолевать зоны молчания власти и вдохновляет на сопротивление там, где интересы участников не соблюдаются властными структурами. Рациональность и ценности сближаются в процессе включения социальных интересов в пересмотренные технические коды. Поскольку технические коды представляют интересы социальных групп, они являются политическими, а участие индивидов в их пересмотре становится политическим вмешательством.

Так как Франкфуртская школа связывала господствующую рациональность с социальным субъектом и его проектом, новый тип рациональности снизу следует также связать

с соответствующим субъектом и проектом. Это множественный субъект; он включен в технические сети, которые достигают самосознания и начинают выступать как устойчивые сообщества. Когда их борьба вносит новые смыслы в техническое развитие, они воздействуют на модели и технические дисциплины. В этих случаях общественное действие объединяет технологические вопросы, рациональность и ценности.

Интернет – пример взаимного конструирования технологии и общества в действии. Так как он расширяет границы коммуникативных свойств, представленных техническими кодами, я называю его «демократической рационализацией». Этот термин – очевидный оксюморон. В веберовском смысле рационализация состоит в вычислении и контроле, она неразрывно связана с нисходящим управлением и администрированием. Вебер не критично полагал, что организация современного общества требует строгого регулирования сверху вниз. Априори исключив демократию и совместный контроль над процессами, он приговорил развитие общества к железной клетке. Но демократическая рационализация ломает клетку.

Вмешательство снизу не всегда реализуется в форме выборов. Скорее ситуации вмешательства возникают благодаря спорам, слухам, судебным тяжбам, участию в проектировании и творческому распределению средств. Они часто приводят к оптимизированным системам, как, например, в случае экологического регулирования или обогащения компьютерных сетей средствами связи. Вполне разумно назвать их «рационализациями», поскольку они на самом деле повышают эффективность той или иной системы.

Новая технологическая политика постепенно внедряет технологию в общественную сферу, где она становится предметом нормативного анализа. Нам необходимо адаптировать теорию демократии к этим развивающимся реалиям. Доступная концептуальная структура может быть почерпнута из так называемой дилетантско-экспертной дилеммы: недостатки и пороки технологических систем побуждают общественных активистов выступать, а экспертов реагировать, что приводит к оптимизации систем.

Это не означает замену экспертов дилетантами. Скорее их общение здоровое и конструктивное, они учатся друг у друга, демонстрируя взаимную дополнительность повседневного опыта и технической рациональности. Популистский антиинтеллектуализм, конечно, опасен, но непогрешимость эксперта вызывает еще большую тревогу. Она мотивирует распространное отрицание общественного протеста как неуместного,

регрессивного и умозрительного. Однако подобные общественные требования часто лежат у истоков технических кодов, впервые сформулированных много лет назад, которые сейчас принимаются экспертами как необходимые. Поэтому и в наше время нет оснований исключать их из технических дебатов. Но экспертиза стремится стереть свою собственную историю, забывая о зачастую весьма запутанных истоках своих нынешних стандартов. Сейчас, в период стремительных изменений технологии, происхождение выходит на первый план. Ясно, что общественное влияние на технологию не осуществляется как вторжение извне в полностью независимую техническую сферу, а представляет собой внутренний аспект динамики технического развития. Техническая сфера должна быть пересмотрена для включения опыта пользователей и жертв, с одной стороны, и экспертного знания, с другой стороны. Взаимодействие между ними поддерживает два разных способа выражения одного и того же базового технического феномена с позиции системы и жизненного мира.

Эти рассуждения о технологии имеют значение для нашего понимания общественной сферы. Подход к технологии в трудах ранней Франкфуртской школы соответствовал марксистской критике политической экономии, поскольку он разоблачал социальные дефекты доминирующей технологической рациональности. Сегодня мы можем распространить и конкретизировать этот подход в критической теории технологии. Наподобие критики Маркса она объясняет борьбу за конструкцию как рациональные действия в демократическом социальном контексте.

Я начал со сравнения утопических и антиутопических образов технологии, но в реальности мы не ищем первого и не бежим от второго. Угроза технологии снизилась с появлением новых социальных движений, которые открыли возможность человеческого участия в технической сфере. Защита окружающей среды и Интернет вновь вселили надежду в возможность контроля над технологией. Хотя я сделал акцент на борьбе в технической общественной сфере, она одна не может решить эту проблему. Доминирующая идеология по-прежнему господствует, но, по крайней мере, ее гегемония больше не находится под защитой технологии и не пользуется иммунитетом от критики. Борьба за свободу коммуникаций создает перспективы дальнейших демократических улучшений. И пока успех в этой борьбе является нашей целью, критическая теория способна вносить свой вклад в ее достижение.

Перевод с английского Е.А. Попова при участии О.Е. Столяровой